

Мы привели въ сносѣхъ отзывъ Писарева, который можетъ показаться если не легкомысленнымъ, то преувеличеннымъ; но въ немъ была не малая доля правды. Странно сказать, что при обилии знаній, въ которомъ въ то время—въ сороковыхъ, пятидесятихъ годахъ—могли у насъ равняться съ Срезневскимъ лишь очень немногіе, онъ перѣдко отличался той уклончивостью, которая у человѣка менѣе знающаго казалась бы скромностью или незнаніемъ, а здѣсь была трудно объяснима: какъ будто онъ боялся опредѣленнаго мнѣнія,—чтобы не оказалась въ немъ какая-нибудь ошибка, — или какъ будто онъ былъ въ сущности равнодушенъ къ дѣлу. Въ вопросахъ, явно спорныхъ, эта уклончивость доходила до большихъ странностей. Возьмемъ два-три примѣра.

Когда въ сороковыхъ годахъ въ ученое славянское и русское міръ шелъ вопросъ о времени написанія знаменитаго Реймскаго евангелія, — которое одни относили въ XI-е столѣтіе, а другіе — въ XIV-е, — Срезневскій принялъ участіе въ разборѣ этого вопроса, но какое было его собственное мнѣніе, осталось неизвѣстно. Новый критикъ, снова поднявшій тотъ же вопросъ, Билярскій (впослѣдствіи академикъ), при всѣхъ стараніяхъ не могъ выяснитъ себѣ дѣйствительнаго взгляда Срезневскаго и обвинилъ его—въ „нигилизмѣ“ (буквально), конечно, не въ томъ фатальномъ смыслѣ, какой слово это получило потомъ, а въ смыслѣ отсутствія яснаго научнаго взгляда ¹⁾. Въ послѣдніе годы своей ученой дѣятельности, Срезневскій принялъ участіе въ спорѣ о подлинности или подложности нѣкоторыхъ подробностей одного древняго чешскаго памятника, гдѣ, при новыхъ изысканіяхъ, открыта была поддѣлка и эта поддѣлка приписывалась старинному его пріятелю Ганкѣ ²⁾. Поддѣлка была доказана несо-

страдаемъ за достоинство человѣка, потому что здѣсь мы видимъ паденіе замѣчательнаго ума, оставшагося замѣчательнымъ даже въ самомъ паденіи“ (Сочиненія Д. И. Писарева, Спб. 18... т. V, стр. 47—53).

¹⁾ См. Билярскаго, „Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическія изслѣдованія. II. О Кирилловской части Реймскаго евангелія“. Спб. 1848, стр. 105—107 и др. Тщетно отыскивая собственный взглядъ Срезневскаго среди утвержденій, отрицаній, оговорокъ и т. д., Билярскій восклицаетъ: „Мнѣніе критика остается въ непроницаемой темнотѣ: онъ какъ бы съ намѣреніемъ уклоняется отъ всякаго рѣшительнаго выраженія, которое могло бы измѣнить его тайнѣ“... Статья Срезневскаго—„это были только логическія схемы отрицанія и положенія, лишенныя всякаго дѣйствительнаго содержанія мысленія, только призракъ утвержденія и отрицанія, подъ которымъ скрывалось отсутствіе всякаго опредѣленнаго взгляда, полный, абсолютный нигилизмъ“... И т. д. Во второмъ изданіи книги Билярскаго (когда онъ сталъ академикомъ), сколько помнимъ, эти отзывы были выпущены.

²⁾ „Дополнительныя замѣчанія на статью А. О. Патери: чешскія глоссы въ *Matet Verborum*“, въ Сборникъ II отд., т. XIX. Спб. 1878.